

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Бубны-козыри

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Бубны-козыри / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 396 с.

ISBN 978-5-519-99013-4

ISBN 978-5-519-99013-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Альбертъ Вильгельмовичъ Лаубе, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ, былъ чело-
вѣкомъ крупныхъ цифръ и еще болѣе круп-
ныхъ вождедѣній. Ребенкомъ, сидя на школь-
ной скамѣ, онъ отъ нечего дѣлать писалъ
единицы съ такимъ количествомъ нулей, какое
допускалъ листокъ попавшей ему подъ-руку
бумаги. Въ то время, какъ его товарищи, играя
въ солдатики, въ моряки, стройно шагали подъ
маршъ, наигрывавшійся на губахъ кѣмъ-либо
изъ нихъ же, или спускали берестяные ко-
раблики на воду—маленькій Лаубе заставлялъ
уголъ отцовской залы табуретами, собиралъ
туда всѣхъ братьевъ, а самъ принималъ не-
обыкновенно дѣловой видъ и, засунувъ руки
въ карманы, любовался черной доской, на
которой съ каллиграфическою правильностью
было изображено: «Банкирскій домъ Августа

Лаубе и его племянника Альберта». Дѣло въ томъ, что его дядя Августъ, дѣйствительно, имѣлъ банкирскую контору въ Москвѣ, но обанкрутился. Тѣмъ не менѣе, это время въ семейныхъ преданіяхъ осталось навсегда легендарнымъ, придавая всѣмъ Лаубе отблескъ какого-то величія. Августъ, хотя и разорившійся, имѣлъ обыкновеніе бриться начисто, оттопыривать нижнюю губу и по поводу всякаго недоразумѣнія гордо произносить: «въ банкѣ Августа Лаубе это не допускалось». Нуждаясь въ жалкихъ грошахъ и щеголя въ вытертомъ до послѣдней степени сюртукѣ, онъ мечталъ не иначе, какъ о милліонахъ, и внушалъ то же самое племяннику. Вильгельмъ Лаубе, скромный провизоръ ревельской аптеки, возвращаясь вечеромъ домой, вмѣстѣ съ запахомъ сильно пахучихъ медикаментовъ, вносилъ съ собою «культъ милліоновъ» и неизмѣнно каждую бесѣду начиналъ словами: «когда у брата Августа былъ въ Москвѣ банкирскій домъ...» Вылинявшая, какъ сто разъ стиранный ситецъ, Амалия Лаубе — мать Альберта, сухая, какъ треска, и безцвѣтная, какъ лѣтняя сѣверная ночь — распивая кофе со своими сосѣдками, тоже неизмѣнно обращалась къ воспоминаніямъ о банкирской конторѣ своего шурина. «О, вы знаете, это было тогда, когда нашъ Августъ имѣлъ свой банкирскій домъ

въ Москвѣ и черезъ его руки проходили миллионы...» Августъ посему вѣчно находился въ ореолѣ, отражавшемся отчасти и на всѣхъ его присныхъ. Изъ сихъ послѣднихъ особенною любовью его пользовался маленькій Альбертъ—во-первыхъ, за дѣловитость, а во-вторыхъ, за то, что при одномъ словѣ «банкъ» у того болѣло подъ ложечкой и глаза въ самомъ раннемъ возрастѣ принимали сладострастное выраженіе. Августъ обыкновенно въ эти минуты клалъ свою громадную и сухую руку на голову Альберта, какъ будто своими цѣпкими и узловатыми пальцами ощупывалъ черепъ испытуемаго имъ мальчика, и, вдохновенно обращаясь къ его матери, пророчески произносилъ: «Вы знаете, Амалія,—этотъ сдѣлаетъ карьеру. Онъ сѣумѣетъ во время остановиться!.. Да, онъ сѣумѣетъ во-время остановиться и у него будетъ настоящій миллионъ... Альбертъ замиралъ—а его мать Амалія благодарно смотрѣла на великаго дядю и, вынувъ платокъ изъ кармана, вытирала слезы, навertyвавшіяся у нея на глазахъ отъ полноты родительскихъ чувствъ. Альбертъ, зажмуривался, точно въ священномъ ужасѣ выслушивая предсказанія дяди. Тотъ, наконецъ, освобождалъ его голову отъ френологическихкихъ изслѣдованій и, неизмѣнно проговоривъ: «Смотри же, умѣй во-время остановиться», оттопыривалъ губу и погружался въ

мистическое безмолвіе съ такимъ видомъ, смотря самъ на себя въ противоположное зеркало, точно онъ изумлялся: неужели земля дѣйствительно удостоилась столь неизмѣримаго счастья, какъ существованіе на ней экс-банкира Августа Лаубе?.. Маленькій Альбертъ долго ломалъ голову надъ тѣмъ, что значитъ «умѣй во время остановиться!» и, наконецъ, пришелъ къ счастливому разъясненію этого загадочнаго вопроса. Разъ у его мамѣ вырвалась фраза: «Вы знаете, братецъ Августъ, банкиръ Зейдель бѣжалъ изъ Петербурга и увезъ цѣлый милліонъ!» При этомъ на ея лицѣ отразилось восторженное просвѣтлѣніе. Братецъ Августъ вытянулся во весь свой ростъ и приподнялъ руки, какъ будто издали заочно благословляя счастливаго Зейделя. Вечеромъ — папѣ Вильгельмъ, явившись изъ своей аптеки съ пузырьками сироповъ для своей жены и свертками дѣвичьей кожи для дѣтей, узнавъ объ «удачѣ» Зейделя, произнесъ: «О, да это настоящій человѣкъ!..» Въ ту же минуту, прожевывая дѣвичью кожу, Альбертъ рѣшилъ, что «съумѣй во-время остановиться» значитъ — «цапни милліонъ и бѣги къ антиподамъ». Характеръ его игръ съ тѣхъ поръ измѣнился. Онъ уже не только за табуретами открывалъ банкирскую контору, гдѣ роль ассигнацій играли бутылочные этикетки и правильно на-

рѣзанные чetyреугольники газетной бумаги, но въ концѣ-концовъ обыкновенно захватывалъ эти пачки, совалъ ихъ въ карманы и съ восторженнымъ видомъ летѣлъ съ ними на улицу, съ улицы въ другую, съ другой въ третью, куда-нибудь за городъ въ ровъ, причемъ его братья должны были, въ качествѣ полиціи, жандармовъ, кредиторовъ, ловить его и выслѣживать. Когда ему удавалось спрятаться отъ нихъ, онъ зарывалъ пачки газетной бумаги въ землю и какъ ни въ чемъ не бывало возвращался назадъ и на мѣстѣ старой вывѣски надъ табуретами вѣшалъ новую: «За отбытіемъ Августа Лаубе, банкирскій домъ его принялъ въ свое завѣдываніе Альбертъ Лаубе». Альбертъ Лаубе бѣжалъ тоже на другой день, и на мѣстѣ лопнувшего, такимъ образомъ, Альберта водворялся братъ его Карлъ. Такъ это и шло включительно до старой и кривоногой собаченки Шнуцхенъ, которая по тупости своей никакъ не могла понять необходимость бѣгства, за что маленькій Альбертъ жестоко дралъ ее за уши и билъ линейкой.

Нельзя сказать, чтобы эксперименты Альберта Лаубе всегда сходили ему съ рукъ даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, судьба какъ будто зранѣе хотѣла его пріучить обнаруживать твердость въ бѣдствіяхъ и стойкость въ испытаніяхъ. Въ самый блестящій періодъ его опе-

рацій таковыя бѣдствія и испытанія постигли его въ полной мѣрѣ. Собравъ всѣ свои дѣйствительные капиталы, онъ увѣрилъ товарищей по школѣ, что всякій, кто принесетъ ему двадцать копѣекъ — черезъ два дня получить четвертакъ. Два-три человека повѣрили ему и принесли двугривенные. Онъ со святою честностью вручилъ имъ въ законный срокъ по двадцати-пяти копѣекъ. Это взволновало всю школу, и вдругъ вся эта мелюзга полѣзла къ Лаубе со своими деньгами. Умный мальчикъ Альбертъ собралъ, такимъ образомъ, около десяти рублей. Когда дня черезъ два къ нему явились товарищи за своими вкладами и прося проценты на оныя—Августъ преспокойно объявилъ имъ, что вслѣдствіе неблагопріятныхъ операцій на берлинской биржѣ, банкъ его лопнулъ и прекратилъ платежи. Вкладчики оцѣпенѣли; но только что онъ, засунувъ руки въ карманы, величественно обратился къ брату своему Карлу, приказывая ему: «подай мнѣ мой гроссъ-бухъ!»—какъ тѣ остервенѣло кинулись на ловкаго банкира, «сѣумѣвшаго остановиться во-время», и стали распоряжаться его тѣломъ, какъ своею законною добычей. Счастливый капиталистъ закричалъ, и на помощь ему прибѣжала изъ кухни Амалія... На другой день въ школѣ слѣдовало продолженіе. Вкладчики никакъ не могли понять, что по всѣмъ правиламъ

банкирской практики такъ это и слѣдуетъ. Напрасно Августъ клятвенно увѣрялъ ихъ въ этомъ—ему цѣлый мѣсяцъ пришлось не выходить изъ синяковъ. Но грубая и ничего не понимающая толпа невѣждъ не одолѣла его стойкости. Мало-по-малу они успокоились, а Альбертъ сдѣлался, такимъ образомъ, законнымъ обладателемъ десяти рублей. Надо отдать ему справедливость: онъ очень любилъ шмандъ-кухены, но не увлекся возможностью наѣсться ими до отвала. Напротивъ, когда всѣ примирились съ своими потерями—въ классѣ вдругъ появилось объявленіе: «Временно пошатнувшійся банкирскій домъ Альберта Лаубе вновь открываетъ свои операціи». Его вздули опять. Стоически выдержавъ лупку, маленькій Альбертъ объявилъ, что теперь операціи его банкирскаго дома будутъ совершенно отличны отъ первыхъ. Онъ явится, такъ-сказать, ломбардомъ для школы. Всѣ и всякъ ему можетъ заложить и подъ заложенное получить настоящія деньги. При семъ на аккуратно разграфленномъ листѣ бумаги явилась даже таблица, выполненная въ каллиграфическомъ отношеніи такъ блистательно, что старикъ учитель чистописанія прослезился, поцѣловалъ Альберта и предсказалъ ему счастливую будущность. Въ таблицѣ значились всѣ предметы, имѣющіе школьное обращеніе, и ссуды, которыя домъ Альберта вы-

даетъ подъ нихъ. Такимъ образомъ, оказывалось, что подъ карандашъ сибирскаго графита Альбертъ выдаетъ четыре копѣйки, подъ фаберовскій — двѣ, подъ дестъ бумаги голландской — десять копѣекъ, простой — пять... Мальчики могли закладывать и свои учебники. Одинъ принесъ старые штанишки и получилъ подъ нихъ полтинникъ... Такимъ образомъ, банкирскій домъ Альберта Лаубе процвѣталъ и росъ до тѣхъ поръ, пока родители обобранныхъ дѣтей не принесли жалобы начальнику школы. Надо отдать справедливость послѣднему: онъ распорядился энергично. Къ крайнему изумленію и негодованію родителей Альберта и его почтеннаго дяди — мальчика выгнали, заставивъ его предварительно вернуть «учебники». На остальное махнули рукою. Тѣмъ не менѣе у предприимчиваго отрока, вмѣсто десяти, оказался уже капиталъ въ пятьдесятъ рублей. Чтобы утѣшить его въ постигшемъ несчастіи, мамаша закармила юнаго банкира пирожными, ужасно жирными и нестерпимо мучными. Но черезъ два дня и она призадумалась. Отецъ ушелъ въ аптеку и взялъ всѣ наличныя деньги. Ей на что-то понадобился полтинникъ. Она хотѣла взять у Альберта, но тотъ съ дѣловымъ видомъ заложилъ руки въ карманы и освѣдомился: «А какой залогъ ты дашь мнѣ, мама, и притомъ ты знаешь мои условія — за каждый

день — десять процентов». Мать думала, что онъ шутитъ и хотѣла взять даже сама. Но деньги у него оказались припрятанными столь искусно, что никакому сыщику не удалось бы ихъ найти. Пришлось матери оставить залогъ — свой носовой платокъ съ кружевами (простой Альбертъ отказался принять). Это было вечеромъ рассказано отцу. Тотъ задумался и потомъ пошелъ-было въ садъ отрѣзать вѣтку отъ березы, чтобы отодрать Альберта, но, къ счастью мальчика, явился дядя Августъ. Когда ему сообщили о подвигѣ племянника, онъ остановилъ брата: «Не тронь его!.. Развѣ ты не видишь, что въ немъ говоритъ призваніе!..» А послѣ, когда мальчикъ ушелъ спать, Августъ Лаубе торжественно поздравилъ брата: «Ну, Вильгельмъ, ты счастливецъ, у него навѣрное будетъ миллионъ!..» На этомъ родители Лаубе и успокоились.

Когда Лаубе выросъ, Августъ черезъ старыхъ знакомыхъ опредѣлилъ его въ банкирскую контору Эдуарда Поппе. Пятьдесятъ рублей отроческихъ къ тому времени уже обратились въ тысячу, которую наученный опытомъ Альбертъ хранилъ въ тайнѣ. Въ Петербургѣ онъ не растерялся. Эдуардъ Поппе, присматривавшійся къ нему на первыхъ порахъ, скоро сталъ его приводить примѣромъ всѣмъ остальнымъ конторщикамъ. «Вотъ,—говорилъ онъ,—

много общающій молодой человѣкъ... У него никакихъ страстей. Не пьетъ, не курить, въ карты не играетъ... А женщины...» И Поппе задумывался. Въ свое время онъ былъ большой ловецъ ихъ передъ Господомъ, и теперь старому Немвроду казалось очень непохвальнымъ равнодушіе, обнаруживаемое къ нимъ Лаубе. Почему, поразмысливъ, онъ обыкновенно оканчивалъ: «ну, разумѣется, у cadaго есть свои недостатки,—и солнце не безъ пятенъ!» Самъ Альбертъ, когда его спрашивали по этому щекотливому предмету, отвѣчалъ: «О, я очень люблю хорошихъ дѣвицъ, особенно ежели у нихъ есть приданое въ вѣрныхъ процентныхъ бумагахъ или въ домахъ, нигдѣ не заложенныхъ... Но онѣ на меня пока не обращаютъ вниманія». Что касается до увлеченій, то онъ рѣшилъ позволить себѣ таковыя, когда у него будетъ отложено десять тысячъ. Въ эту счастливую пору молодости, Альбертъ Вильгельмовичъ, подражая своему дядѣ, уже выучился носить необыкновенно узкіе панталоны, отчего и безъ того тоненькія ножки его казались совсѣмъ паутинными, оттопыривалъ губы, на которыхъ у него росъ какой-то птичій пухъ, а не усы и борода. Уши у него были совсѣмъ банкирскія, то-есть какъ ручки у котла, хотя ни одного еврея въ роду его не было — иначе такая помѣсь внесла бы непременно нѣкото-